

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКО–КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (конец XX—начало XXI в.)

Виталий Владимирович СОВАСТЕЕВ,
доктор исторических наук, профессор

Чжоу ЦЯНЬИН, аспирантка кафедры всеобщей истории ДВГУ

В конце XX—начале XXI в. между Россией и КНР сложилось стратегическое партнерство («равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие»¹), которое имеет большое значение не только для настоящего, но и для будущего международных отношений в дальневосточном регионе. Поэтому изучение комплекса проблем, возникающих в ходе реализации стратегического партнерства, позволяет выявить его влияние на отношения между Россией и Китаем и на основные тенденции изменения системы международных отношений в мире.

Обзор российско-китайских отношений в конце XX—XXI в. необходимо начать с основных точек зрения, которые сложились при оценке этого феномена в российской политической и обществоведческой науке. Первая точка зрения (официозная) наиболее полно выражена в статье бывшего посла России в КНР в начале XXI в. И. Рогачева. Давая оценку «Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», он писал, что в договоре «...скрупулезно проработан блок статей, затрагивающих конкретные направления отраслевого взаимодействия. Тем самым утверждается прочная правовая база, создаются необходимые предпосылки для качественного наращивания нашего торгово-экономического сотрудничества с Китаем»². Его точка зрения почти дословно повторяет оценку договора, которая содержится в Совместном заявлении двух государств, в котором он назван «программным документом, определяющим развитие китайско-российских отношений в новом веке»³.

Точка зрения левоконсервативной оппозиции, представленной КПРФ, ненамного отличается от официоза, поскольку коммунисты всегда стояли на позициях дружбы с Китаем в противовес Западу. Большая часть представителей академической науки придерживается позиции, близкой к официальной точке зрения⁴.

С иных позиций к стратегическому партнерству подходят представители отечественного либерализма. Их лидер Егор Гайдар исходил из

предпочтительности союза с Японией на Дальнем Востоке. Он писал: «Мы своей слабостью, огромными, никак не освоенными территориями Дальнего Востока провоцируем угрозу. Не надо провоцировать. Значит, надо резко усилить всю инфраструктуру, всю экономику Дальнего Востока, Сибири. Дальневосточный регион, по многим прогнозам, станет экономическим сердцем мира в XXI в. И здесь нам нужны союзники. Один из них — Япония»⁵.

Еще дальше в отрицании необходимости стратегического партнерства России и Китая идет известный идеолог либерализма Лилия Шевцова, причисляющая себя к «идеалистам». Она обосновывает свою антикитайскую позицию: «...выходя из сферы западного притяжения, Россия вовсе не укрепляет свой суверенитет, а попадает в сферу притяжения других мировых субъектов. Уже сейчас Москва весьма активно участвует в осуществлении китайских интересов, укрепляя ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), которую китайцы используют для экспансии в Центральную Азию и противоборства с США. Летние маневры Китая и России (имеются в виду совместные учения лета 1995 г. — В.С., Ч.Ц.) — пример того, насколько высок класс китайской дипломатии, которая заставила Кремль таскать для Пекина каштаны из огня»⁶.

Кстати сказать, трезвомыслящие ученые высказывают схожие мысли, пользуясь приемом инверсии. Так, известный специалист в области истории российско-китайских отношений В.Л. Ларин в своей последней монографии пишет о «подчиненной роли» России в виртуальном союзе КНР и РФ⁷.

Некоторые представители академической науки занимают скептическую позицию в оценке Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. Так, один из проницательных знатоков Китая Ю.М. Галенович считает, что, заключив с Россией Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, китайская сторона не сняла территориальных претензий к своему северному соседу. Он пишет: «В договоре отмечается, что у сторон, его подписавших, отсутствуют взаимные территориальные претензии. Для того чтобы лучше понять смысл этой формулировки, необходимо принимать во внимание, что китайская сторона никогда не считала, что у нее были или есть территориальные претензии к нам. Она всегда утверждала и утверждает, что в свое время у нее были отторгнуты территории и что речь идет о территориальном долге других стран, прежде всего нашей страны, Китаю. Причем, китайская сторона считает, что такого рода утверждения — это не территориальные претензии, а лишь справедливое требование восстановления законных прав, законной территориальной целостности Китая, справедливое и рациональное решение оставшихся от истории вопросов»⁸.

Ю.М. Галенович заявляет, что Россия в силу подписания договора вовлечена в борьбу руководства КНР с диссидентами: «Договором нам запрещается допускать на нашей территории деятельность любых организаций и групп, которые будут сочтены китайской стороной нанося-

щими ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности Китая. Таким образом, любым китайским инакомыслящим нельзя действовать на нашей территории»⁹.

Таким образом, существует значительный разброс мнений относительно роли и значения стратегического партнерства между Китаем и Россией.

Другой важной проблемой в изучении стратегического партнерства является вопрос об основных этапах его развития. Наиболее подробно он разработан в монографии В.Л. Ларина¹⁰, где приводится несколько вариантов периодизации становления и развития стратегического партнерства между Россией и КНР. Самая ранняя точка отсчета, приводимая в монографии, — это 1981 г. Она опирается на идею о том, что в китайском обществе в это время происходили большие перемены, начавшиеся с провозглашения курса на осуществление «четырех модернизаций» в 1978 г. и решающим образом повлиявшие на внешнюю политику КНР. Но тогда не было признаков перемен во внешнеполитическом курсе СССР, где еще продолжалась эпоха брежневского застоя. Выступление Л. Брежнева на XXV съезде КПСС в пользу нормализации отношений с Китаем в значительной степени носило декларативный характер.

Возможная точка отсчета стратегического партнерства — рубеж 80—90-х годов, с которого, как справедливо отмечает В.Л. Ларин, «доминирующей формой» российско-китайского экономического взаимодействия становятся торгово-экономические отношения¹¹. Эта периодизация исходит из предпосылки, что основы стратегического взаимодействия были заложены в период перестройки (нужно заметить, что у этой периодизации были свои предшественники). Укажем на книгу известного специалиста по истории внешней политики Китая Е.П. Бажанова «Китай и внешний мир», вышедшую в 1990 г., в которой автор одним из рубежей в изменении внешней политики Китая считал 1982—1985 гг., когда наступил «поворот к лучшему в отношениях (КНР. — В.С., Ч.Ц.) со странами социализма»¹². Начало еще одного из возможных рубежей датируется В.Л. Лариным 1987 г., «...М. Горбачев объявил о пятилетнем плане вывода советских войск с территории Монголии, и начался 10-летний период быстрого сближения России и Китая, завершившийся соглашением о стратегическом партнерстве в середине 90-х годов»¹³.

Начало стратегического партнерства между РФ и КНР можно датировать и 18 мая 1989 г., когда по итогам визита М.С. Горбачева в Китай было подписано Совместное коммюнике на основе следующих принципов: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование¹⁴. В данном случае мы имеем дело с классической формулой взаимоотношений Китая с внешним миром, которая была провозглашена в середине 50-х годов XX в. Она не вносит ничего нового во взаимоотношения СССР и Китая и, строго говоря, не может служить прототипом стратегического партнерства,

провозглашенного в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.

Подлинным прототипом указанного договора является Совместная декларация по итогам официального визита в Китай президента РФ Б.Н. Ельцина 17—19 декабря 1992 г. В ней были провозглашены принципы отношений между двумя странами. РФ и КНР договорились решать все вопросы мирными средствами, не участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных против другой стороны, выступили против «любых форм гегемонизма и политики силы», отказались от применения первыми друг против друга ядерного оружия, выразили готовность развивать политический диалог и экономическое сотрудничество на всех уровнях¹⁵.

Еще одна возможная точка отсчета — это рубеж 1993—1994 гг. Она определяется следующим образом: «Поиск приемлемой модели китайско-российских отношений шел в Китае на протяжении 1992—1993 гг. Окончательно руководство КНР определилось в подходе к своему северному соседу на рубеже 1993—1994 гг. после разрешения политического кризиса в России»¹⁶.

Очевидно, что есть все основания принять за нижнюю границу периодизации стратегического партнерства между РФ и КНР конец 1992 г., с подписания совместной декларации. Другой возможный вариант — это рубеж 1993—1994 гг.

Важной вехой в развитии стратегического партнерства между РФ и КНР был 1996 г. В.Л. Ларин справедливо заметил в 1996 г. «...симптомы будущих существенных изменений. Начался переход от традиционных способов торговли к современным, от посредническо-торговой модели отношений к производственно-инвестиционной»¹⁷. Приведем еще одну цитату из монографии В.Л. Ларина в подтверждение изложенной точки зрения: «...1996 г. стал своего рода водоразделом в российско-китайских отношениях, отделяющим начальный период их становления (первый этап) от второй половины 90-х годов, когда российско-китайское взаимодействие приобрело упорядоченный, системный характер (второй этап). Конкретным событием, ознаменовавшим этот водораздел, стало провозглашение между Россией и Китаем отношений стратегического партнерства, направленных в XXI в. (апрель 1996 г.)»¹⁸.

Эта точка отсчета опирается также на развитие политических процессов в обеих странах. Именно внешнеполитические соображения лежали в основе стратегического сотрудничества, внешнеполитическому курсу были подчинены другие аспекты связей Китая и России — экономические, культурные и т.п. В июле 1996 г. президент Б. Ельцин был избран на высшую государственную должность на второй срок, и вопрос о коммунистической реставрации во многом утратил свою злободневность.

В качестве верхней границы в развитии стратегического партнерства между РФ и КНР авторы данной статьи предлагают взять 2004 г. Они исходят из того, что именно в конце этого года был принят совместный документ под названием «План действий по реализации положений Договора

о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 гг.) от 14 октября 2004 г.»¹⁹ В нем содержится оценка пройденного этапа российско-китайского стратегического партнерства: «Всесторонняя реализация российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. надежно обеспечила непрерывное продвижение отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем»²⁰.

До сих пор речь шла о развитии российско-китайского стратегического партнерства в рамках двусторонних отношений. Однако стратегическое партнерство между КНР и РФ развивается и в другом формате — в рамках многосторонних связей. В этом отношении большой интерес представляет деятельность ШОС, которая появилась 15 июля 2001 г. В этот день в Шанхае Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан подписали заявление, провозглашавшее рождение этой организации. В лице ШОС на свет появилась «...региональная организация, нацеленная не только на решение проблем безопасности, но и на многостороннее взаимодействие»²¹.

Целями ШОС были объявлены: укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-участниками; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе; наведение нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического порядка. Участниками ШОС была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом и сепаратизмом, нацеленная на сотрудничество в борьбе за пресечение незаконного оборота оружия, наркотиков, нелегальной миграции и других видов преступной деятельности²².

Более подробно цели, задачи, принципы и сам смысл существования ШОС отображены в документах, принятых 7 июля 2002 г. на саммите в Санкт-Петербурге. Это «Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества» и «Хартия Шанхайской организации сотрудничества». В «Декларации глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» сказано: «ШОС базируется на принципах взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности и нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой, равноправия всех государств-членов»²³.

Декларация глав государств подтвердила приверженность членов ШОС «многополярной системе международных отношений»: «Государства-члены ШОС строят свои отношения в рамках формирующейся многополярной системы международных отношений, полагают, что миропорядок в XXI в. должен опираться на механизмы коллективного решения ключевых проблем, верховенство права и последовательную демократизацию международных отношений»²⁴.

Определенным рубежом в развитии ШОС были саммит 17 июня 2005 г. в Астане и юбилейный саммит 18 июля 2006 г. в Шанхае. Как отмечают исследователи, «...период между саммитом в Астане (2005) и Шанхае (2006) можно назвать этапом нового качественного развития»²⁵.

Потенциал ШОС, его влияние на систему международных отношений чрезвычайно велики. В настоящее время он включает в себя две ядерные державы — постоянные члены Совета Безопасности ООН, а также ведущие государства Центральной Азии. Как подчеркивают эксперты: «В этом был и остается ее огромный политический сдерживающий потенциал»²⁶.

Опровергая алармистские оценки ШОС, С. Лившиц пишет: «Попытки интерпретировать ШОС как закамуфлированный военный блок или провести параллель между РАТС и «Интерполом» просто некорректны и лишены оснований»²⁷.

Нужно согласиться со следующей пространной оценкой, данной ШОС российским экспертом: «Вместе с тем, создание Шанхайской организации сотрудничества — событие неординарного порядка не только в региональном, но и в глобальном измерениях. Фактически, учитывая расширение стран-наблюдателей ШОС, куда входят Индия, Пакистан, Иран и Монголия, речь идет о трансконтинентальном объединении, органически связующем евроатлантический и восточноазиатский фланги международной жизни». И далее: «Для России и Китая это не просто региональная организация для борьбы против «трех зол» (национализма, религиозного экстремизма и сепаратизма), но и важный геополитический инструмент отстаивания своих стратегических интересов в мире. В широком смысле ШОС — это организация, предназначенная для многополярного мира и возникающая как результат формирования многополярной системы»²⁸.

Накануне юбилейного (пятилетнего) саммита ШОС за его работой пристально следили на Западе. Главные вопросы, ответа на которые ждали от ШОС, пойдет ли эта «региональная организация нового типа» на радикальное расширение своих рядов, станет ли она позиционировать себя в качестве азиатско-тихоокеанского противовеса НАТО и Евросоюзу? На эти вопросы попытался ответить президент РФ В. Путин. Еще до отъезда в Шанхай В. Путин назвал ШОС «влиятельной региональной организацией» и сделал упор на дальнейшее усиление ее роли в мировых делах. Он полагает, что сегодня «фактор ШОС» — значимый элемент стабильности на обширном евразийском пространстве²⁹. Но при этом В. Путин дал понять, что речь не идет о расширении ШОС, что последняя не готова официально рассмотреть заявки стран, стучащихся в ее двери³⁰. Претендентов на вступление в ШОС в настоящее время очень много. Это Афганистан, Ирак, Индия, Иран, Пакистан. Расширение ШОС придало бы ей характер блоковости. Однако российские дипломаты полагают, что ШОС — «открытая многосторонняя структура, не имеющая элементов блоковости и нацеленная на широкое международное сотрудничество»³¹. Юбилейный саммит Шанхайской организации сотрудничества завершился подписанием жесткой антиамериканской декларации³².

Важной темой юбилейного саммита ШОС стала тема сотрудничества в сфере энергетики. Президент РФ В. Путин заявил, что ШОС обладает инфраструктурой, чтобы реализовывать экономические проекты, и предложил создать в рамках организации энергетический клуб. Со своей стороны иракский лидер Мухаммед Ахмадинежад предложил созвать

в Тегеране конференцию министров энергетики стран ШОС. Президент Пакистана Мушараф сообщил о готовности Исламабада предоставить странам ШОС новые пути для транспортировки энергоносителей³³.

По окончании работы юбилейного шанхайского саммита осталось много вопросов. Прежде всего это вопрос о возможности расширения ШОС за счет приема новых членов, который решался скорее в пользу «за», чем «против». Президент Казахстана Н. Назарбаев дал понять, что нет препятствий к расширению шанхайской шестерки. Он сказал: «Мы поручили Совету министров иностранных дел организации рассмотреть эти вопросы, особенно в сфере, касающейся приема новых членов»³⁴.

Президент Пакистана Первез Мушараф во время встречи с В. Путиным прямо обратился с просьбой поддержать заявку его страны о вступлении в ШОС в качестве полноправного члена. В двери ШОС стучится и Белоруссия, хотя территориально она находится далеко от зоны действий ШОС³⁵.

Россия и Китай, задающие тон в ШОС, ранее неоднократно давали понять, что не закрывают двери в организацию. В заявлениях Москвы и Пекина о несвоевременности разговора о расширении, как правило, содержалось обнадеживающее для Ирана и других стран, имеющих пока статус наблюдателя (а это, кроме Ирана, Пакистан, Индия и Монголия), слово «пока»³⁶.

Проблеме расширения ШОС посвящена статья XIII Шанхайской Хартии. В ней вполне определенно сказано, что ШОС «открыта для приема других государств региона... Решение вопроса о приеме в ШОС принимается Советом глав государств по представлению Совета министров иностранных дел на основе официального обращения заинтересованного государства»³⁷.

В связи с этим на Западе испытывают серьезные опасения относительно будущего ШОС. В Вашингтоне есть политические деятели, которые считают вполне реальным превращение ШОС в азиатский противовес НАТО или по меньшей мере опасаются чрезмерного сближения Москвы, Пекина и Тегерана³⁸. И для таких опасений есть все основания.

Возвращаясь к истории российско-китайских отношений в конце XX — начале XXI в., хотелось бы подчеркнуть, что эти отношения выходят за рамки двусторонних и деятельность ШОС является наглядным тому подтверждением. Россия и Китай давно уже влияют на решение мировых проблем. В ходе встречи В. Путина с Председателем КНР Ху Цзиньтао российский президент заметил: «Без участия таких стран, как Китай и Индия, рассчитывать, что дискуссия по экономическим и мировым проблемам будет всеобъемлющей, конечно, не приходится»³⁹.

---

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 16 июля 2001 года) // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 32.

- ² Рогачев И. Историческая веха в наших отношениях с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 21, 23.
- ³ Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 12.
- ⁴ См.: Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. М.: Памятники исторической мысли, 2003.
- ⁵ Гайдар Е.Т. Россия XXI века: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Гайдар Е.Т. Соч. в 2-х т. М.: Изд-во «Евразия», 1997. Т.2. С. 762.
- ⁶ Шевцова Л. Россия — год 2006: логика политического страха // Независимая газета. 2005. 16 дек.
- ⁷ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 9.
- ⁸ Галенович Ю.М. Россия — Китай: Шесть договоров. М.: «Муравей», 2003. С. 348.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона...
- ¹¹ Там же. С. 91.
- ¹² Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 159.
- ¹³ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 66.
- ¹⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 45.
- ¹⁷ Там же. С. 97.
- ¹⁸ Там же. С. 69—70.
- ¹⁹ Текст «Плана действий» см. в «Сборнике основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе». Благовещенск, 2005. С. 91—109.
- ²⁰ Там же. С. 91.
- ²¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 76.
- ²² Там же. С. 76—77.
- ²³ Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 7.
- ²⁴ Там же. С. 8.
- ²⁵ Лившин С. 2006 год — год России в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 14.
- ²⁶ Там же. С. 15.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Независимая газета. 2006. 15 июня.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Независимая газета. 2006. 16 июня.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Независимая газета. 2006. 20 июля.

SUMMARY: “Some aspects of Study of the History of the Russian–Chinese Relations at the end of the 20th c. — the Early 20th c.” is the title of the article by Doctor of History, Professor Vitaly V. Sovasteev and a post-graduate student of the Chair of World History Chou Jianin. The authors state that at the end of the 20th — the early 21st cc. between Russian and China there is formed strategic partnership that is of great significance not only for the Present but also for the Future of international relations in the Far Eastern region.